

**Посвящается моей маме, Бирюковой Тамаре Николаевне,
рассказавшей эту правдивую историю**

Семилетняя Томка сидела на свежераспиленных листовенничных чурках и отковыривала большим гвоздем янтарную смолу. Каждый добытый кусочек она отправляла в рот, зная, что через несколько минут горькая смола превратится в листовенничную серу, которую можно будет жевать долгое время, заглушая чувство голода.

Шел июль 42-го года. Девочка знала, что где-то далеко идет война, на которой погиб мамин дядя — Федор. Томка слышала от взрослых, что он ушел на фронт добровольцем, как только враги напали на нашу страну, воевал артиллеристом и «пал смертью храбрых». Так было написано в похоронке.

Выполнив наскоро задания матери, девочка обычно уносилась на улицу. Ей приходилось протискиваться между досок забора, огораживающего территорию завода, на задах которого стоял их одинокий дом. Справа от высокого крыльца был небольшой огород, поленица да ветхий навес — вот и вся Томкина вотчина.

В левые окна дома были видны корпуса конюшен, где работал отец. Он иногда брал дочку с собой. И это был настоящий праздник. Томка каталась на мерине-бочковозе, доживающем свою старость. Мерин без натуги катал худюшую наездницу, почти не ощущая ее веса. С войной к нему опять вернулись посильные обязанности — возить с реки воду, а иногда — ходить по кругу и вращать водилку, в которой тренировали для фронта молодых коней.

На улице Молотовой жили все Томкины друзья. Они собирались в глубине огромного куста старой, раскидистой черемухи, которую между собой называли штабиком. Здесь ребята рассказывали новости, обсуждали план игры в казаки-разбойники, делились собранными ягодами, щавелем или овощами с огорода.

... Сегодня девочка побежала в штабик, прихватив с собой пару пупырчатых огурцов. Веруська, лучшая Томкина подружка, сидела в черемуховой глубине одна. Она рассказала, что вчера в город снова прибыл эшелон с ранеными, которых разместили в корпусах курорта, где с начала войны был организован эвакогоспиталь.

— Мама сказала, что раненых будут лечить грязями и солевыми ваннами,— важно сообщила Веруська.— А мы будем ходить к ним с концертами, не маленькие уже. Так что учи песни, Томка!

В конце лета собравшихся у госпитальных ворот маленьких артистов уже встречал немолодой и строгий на вид военврач.

— Вы, ребята, пришли не просто выступить с концертом,— сказал он.— Вы будете помогать солдатам выздоравливать. Ведь хорошее настроение заменяет порой и таблетки, и микстуры. Так что это выступление можно назвать вашим боевым заданием!

Для концерта приготовили большую, светлую комнату, в которую собралось все ходячее население госпиталя. Когда наступила Томкина очередь, сердечко ее испуганно забилося, но она не показала виду и решительно шагнула в палату. Учительница Анна Васильевна заиграла на баяне, девочка начала песню, и через несколько секунд к ней стали присоединяться неуверенные глуховатые голоса раненых. Вскоре все вместе пели про «скромненький синий платочек». Когда песня закончилась, наступила сначала глубокая тишина, а через несколько секунд ее взорвали оглушительные аплодисменты.

Юную исполнительницу попросили подойти. Она приблизилась к раненым, и они стали пожимать девочке руку, гладить по голове, совать ей кто сухарик, а кто кусочек сахара. Каждому хотелось дотронуться до маленькой артистки, а та от такого внимания и волнения расплакалась.

... Когда в сентябре Томка вошла в свой класс, то увидела на последних партах незнакомых, одинаково одетых ребят.

— Они — эвакуированные, — поспешила сообщить Веруська на перемене, — и живут они в детском доме.

— А где их родители? — полюбопытствовала Томка.

— Мама сказала, что у некоторых родители воюют, — шептала подружка в самое ухо. — А у других — убиты.

— Они, что, видели фрицев? — ужаснулась маленькая слушательница, почувствовав холодок, пробежавший мурашками по спине.

— Не знаю, — ответила Веруська, — давай спросим вон у той девочки с кудрявыми волосами.

После уроков подружки подошли к новенькой, но задать свой вопрос не решились.

— Как тебя зовут, девочка? — спросила смелая Веруська.

— Гутя, — тихо ответила та и опустила глаза.

— Давай мы тебя проводим, — предложила Томка, — а то заблудишься. Вас ведь поселили в общежитие педучилища, верно?

Вскоре девочки подружились. Они узнали, что новенькая — из Курска, что ее родители ушли на фронт в начале войны, а Гутю вместе с другими детьми эвакуировали в Сибирь, что она чудом спаслась во время бомбежки поезда, спрятавшись в глубокой грязной луже недалеко от железнодорожного полотна.

— Фрица видела только одного, — рассказала однажды Гутя, — это был летчик. Он летел очень низко, строчил из пулемета и смеялся. Мне казалось, что он целится именно в меня. И я с головой нырнула в мутную воду.

... А поздней осенью Гутя тяжело заболела и таяла прямо на глазах. Военврач дал распоряжение поместить больную в женскую палату госпиталя за занавеску. С того дня каждый вечер Томка с друзьями ходили проводить одноклассницу, а заодно выполняли мелкие поручения раненых — читали новости из газет, стихи и рассказы, писали коротенькие письма под диктовку солдат, пели вместе с ними песни. Но Гутя угасала день ото дня. Подружки почему-то надеялись на новогодний праздник, к которому они усердно готовились. «Вот Гутя обрадуется и пойдет на поправку!» — часто повторяла Веруська.

30 декабря в курортном холле на выступление ребят собрались не только ходячие больные. Персонал медучреждения помог переместиться в большую комнату всем, кто способен был видеть и слышать. В первый ряд поставили большое старинное кресло, неизвестно как попавшее в госпиталь, и усадили туда маленькую пациентку. В этот день Гутя слабо улыбалась и казалась бодрее, чем обычно. Только на щеках полыхал слишком яркий румянец.

Когда концерт подошел к концу, в зале неожиданно появился Дед Мороз с мешком подарков. Только потом выяснилось, что это был военврач, решивший порадовать и маленьких артистов, и своих подопечных. Всем без исключения он вручил почти забытые за войну сладости.

А на следующий день пришла страшная новость — ночью умерла Гутя. Томка не могла поверить, что ее подружка-заводила больше не будет смеяться и шалить вместе с ними, что нельзя будет даже обнять эту непоседливую девочку, которую она полюбила всей душой. Первая большая потеря, коснувшаяся лично ее, Томки, полоснула по сердцу жгучей болью и всколыхнула в нем настоящую, почти взрослую ненависть к фашистам.

... Всю долгую зиму наша героиня вместе с другими ребятами после уроков «работала» в госпитале. Раненые бойцы полюбили ее за доброе сердце и чистый голосок, часто просили спеть новую песню. Томка легко запоминала слова, не стеснялась вплетать свой голосок в хор взрослых.

У них в семье хорошо пели все, а бабушка даже аккомпанировала на маленькой гармонике. Мать иногда подыгрывала ей на старой балалайке. До войны семейные праздники проходили весело, с плясками да наигрышами, а уж когда на несколько голосов заводили пение, то даже соседи приходили их послушать.

Со многими из раненых Томка подружилась, особенно с Петром Степановичем — пожилым украинцем, долго выздоравливающим после тяжелого ранения осколком снаряда. Он тоже симпатизировал маленькой хохотушке.

Однажды Степаныч показал Томке затертую довоенную фотографию, на которой она узнала своего старшего друга в окружении большой семьи. Мужчина назвал по именам старенькую мать, жену, двух дочерей и трех сыновей, а потом добавил сквозь слезы, бережно разглаживая снимок:

— Все они теперь — ангелы. Мои дорогие ангелы!

Позже он рассказал девочке, что всю его семью сожгли немцы вместе с другими жителями большой деревни. Наступая на врагов, стрелковый полк Степаныча оказался неподалеку от родного села, и мужчина за ночь сбежал туда, где когда-то стоял его дом. От деревни остались только ряды черных печных труб.

— Не сразу я узнал свою печь,— вздыхал Степаныч,— а когда подошел поближе, пригляделся, вдруг увидел, что стоят рядом с ней прозрачные тени моих малых деток, а за плечами у них — белые крылья...

А весной Степаныч выписался и уехал, оставив Томке на память вышитый украинским узором поясок.

Писать не обещал, но после войны прислал большую посылку с грецкими орехами, которых до этого маленькая сибирячка никогда не пробовала.

... Пролетел еще один военный год. Весенние сводки 1945-го радовали и больших, и маленьких. Наши гнали фашистов уже за пределами Родины. На уставших, изможденных работой лицах родителей все чаще расцветали улыбки.

В этом году раньше обычного распустилась и старая черемуха, где собирались ребята.

— План на сегодня,— как всегда командирским тоном сказала Веруська,— уборка мусора на территории эвакогоспиталя. Грабли и метлы возьмем из дома,— добавила девочка и направилась к выходу.

Но тут на улице послышался приближающийся гул голосов. Ребята переглянулись и, не сговариваясь, бросились выбираться из штабика.

— «Победа! Победа!» — расслышала Томка и закричала.— Ребята, да это же Победа! Война закончилась!

Людей на улице становилось все больше. Они обнимались, поздравляли друг друга, танцевали прямо на дороге. До самых сумерек то тут, то там вспыхивали звуки гармонии и песни.

К вечеру девчонки и мальчишки, возбужденные увиденным и услышанным, не сговариваясь, снова собрались в недрах старой черемухи. Они рассказывали, как дома встретили долгожданное известие.

А Томка вспомнила про дядю Федора, ангелочков Степаныча, подружку Гутю и по-взрослому сказала:

— А нам теперь — за них жить надо! Добывать счастье за всех, кого не пощадила проклятая война!